

СЕРГЕЙ  
КОЗЛОВ

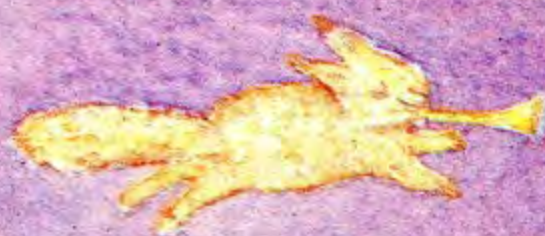
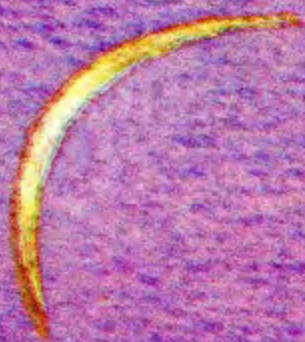
Жизнь  
в ДУМАНЕ





















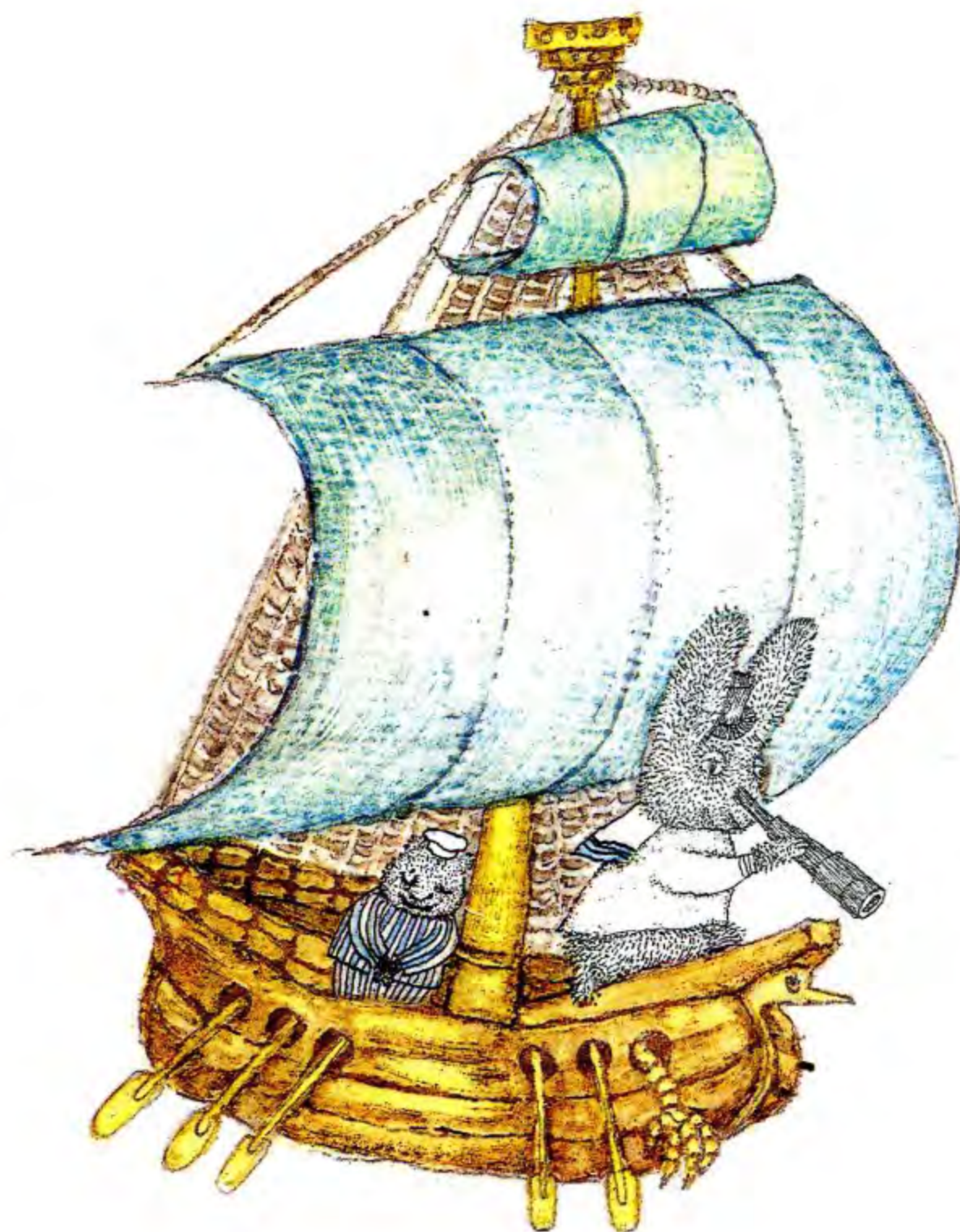
*Сергей  
Козлов*

*Ёжик  
в  
тумане*





Художник  
Людмила  
Шульгина



К  $\frac{4803010201-426}{M101(03)-89}$  218-89

ISBN 5-08-000510-6

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

Сказка «Ежик в тумане».

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1981



СЕРГЕЙ  
КОЗЛОВ

В  
ЖИВ  
УМАНЬЕ



СКАЗКИ

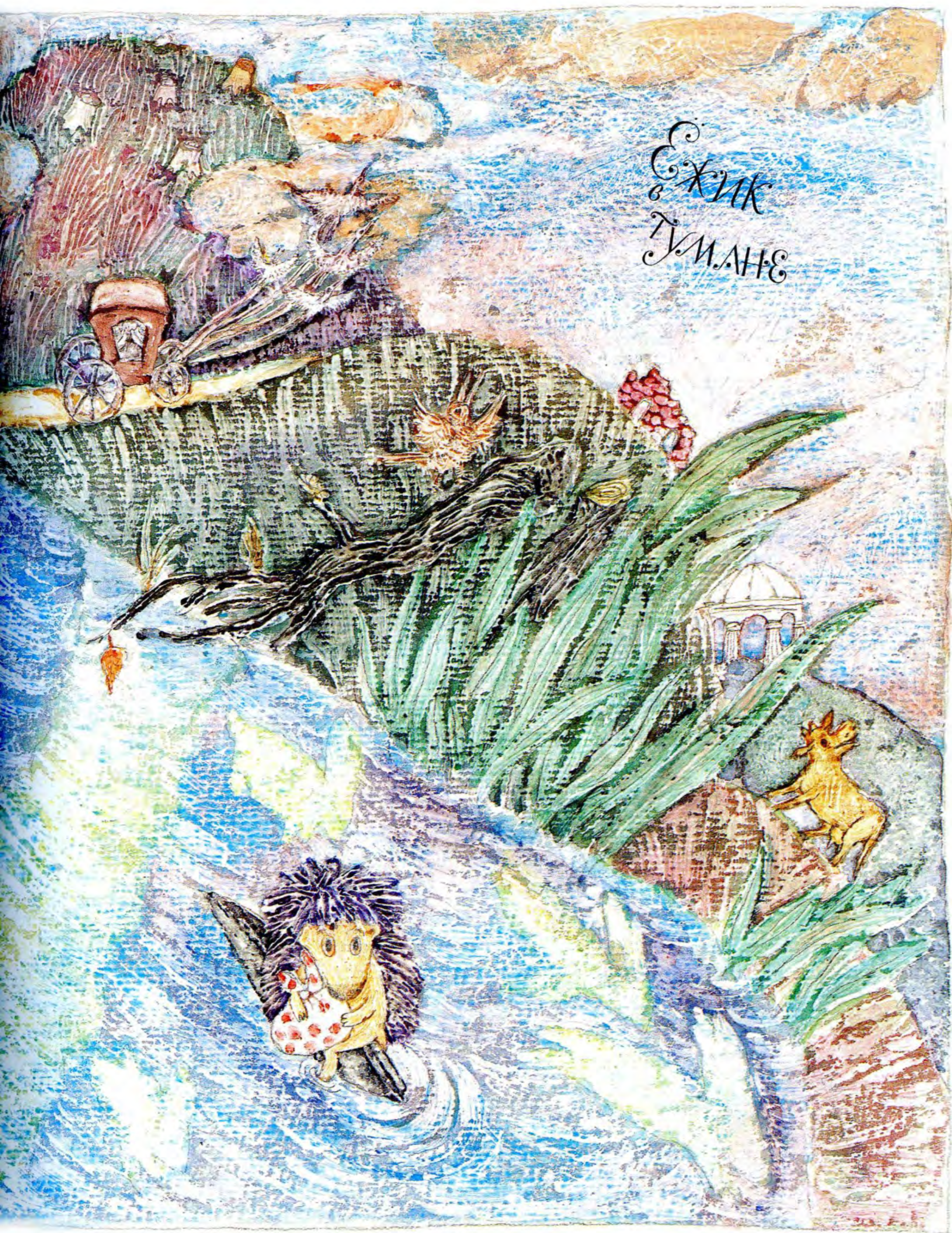
Москва  
«Детская литература»  
1989







СЖИ  
ДУМАТЕ





Тридцать комариков выбежали на поляну  
и заиграли на своих писклявых скрипках.  
Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла  
по небу.

«Ммм-у!..» — вздохнула корова за рекой.  
Залаяла собака, и сорок лунных зайцев  
побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная  
белая лошадь утонула в нём по грудь, и теперь  
казалось — большая белая утка плывёт  
в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него  
голову.

Ёжик сидел на горке под сосной  
и смотрел на освещённую лунным светом  
долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени  
вздрагивал: не снится ли ему всё это?

А комарики не уставали играть на своих  
скрипочках, лунные зайцы плясали,  
а собака выла.

«Расскажу — не поверят!» — подумал Ёжик  
и стал смотреть ещё внимательнее, чтобы  
запомнить до последней травинки всю красоту.

«Вот и звезда упала, — заметил он, —  
и трава наклонилась влево,  
и от ёлки осталась одна вершина, и теперь  
она плывёт рядом с лошадью... А интересно, —  
думал Ёжик, — если лошадь ляжет спать,  
она захлебнётся в тумане?»

И он стал медленно спускаться с горы,  
чтобы тоже попасть в туман и посмотреть,  
как там внутри.

— Вот, — сказал Ёжик. — Ничего не видно.

И даже лапы не видно. Лошадь! — позвал он.



*Но лошадь ничего не сказала.*

*«Где же лошадь?» — подумал Ёжик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко сверху сумрак слабо светился. Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит. Бул-тых!..*

*«Я в реке!» — сообразил Ёжик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны. Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ёжик даже не знал, где берег.*

*«Пускай река сама несёт меня!» — решил он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.*

*Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ёжик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.*

*Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.*

*— Извините, — беззвучно сказал кто-то, — кто вы и как сюда попали?*

*— Я — Ёжик, — тоже беззвучно ответил Ёжик. — Я упал в реку.*

*— Тогда садитесь ко мне на спину, — беззвучно проговорил кто-то. — Я отвезу вас на берег.*

*Ёжик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.*

*— Спасибо! — вслух сказал он.*

*— Не за что! — беззвучно выговорил кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах.*

*«Вот так история... — размышлял Ёжик, отряхиваясь. — Разве кто поверит?!»*

*И заковылял в тумане.*







# Летняя Печка Трава









*Звуки  
и  
голоса*

— В полудрёме, Медвежонок, можно вообразить всё, что хочешь, и всё, что вообразишь, будет как живое. И тогда-то...

— Ну!

— Тогда-то...

— Да говори же!

— И тогда-то... слышны звуки и голоса.

Ёжик глядел на Медвежонка большими круглыми глазами, как будто сию минуту, вот прямо сейчас, догадался о чём-то самом важном.

— И кого ты слышал? — шёпотом спросил Медвежонок.

— Сегодня?

— Ага.

— Зяблика, — сказал Ёжик.

— А вчера?

— Лягушку.

— А что она сказала?

— Она — пела. — И Ёжик закрыл глаза.

— Ты её и сейчас слышишь?

— Слышу, — сказал Ёжик с закрытыми глазами.

— Давай я тоже закрою глаза. — Медвежонок закрыл глаза и встал поближе к Ёжику, чтобы тоже слышать.

— Слышишь? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.

— Ты впади в дрёму.

— Надо лечь, — сказал Медвежонок. И лёг.



— А я — возле тебя. — Ёжик сел рядом. — Ты только представь: она сидит и поёт.

— Представил.

— А вот сейчас... Слышишь? — И Ёжик по-дирижёрски взмахнул лапой. — Запела!

— Не слышу, — сказал Медвежонок. — Сидит, глаза вытаращила и молчит.

— Поговори с ней, — сказал Ёжик. — Заинтересуй.

— Как?

— Скажи: «Мы с Ёжиком из дальнего леса пришли на ваш концерт».

Медвежонок пошевелил губами.

— Сказал.

— Ну?

— Молчит.

— погоди, — сказал Ёжик. — Давай ты сядь, а я лягу. Та-ак. — И он забубнил что-то, укладываясь рядом с Медвежонок в траву.

А день разгорался, и высокая стройная осень шаталась соснами и кружилась палым листом.

Медвежонок давно открыл глаза и глядел теперь на рыжие деревья, на ветер, который морщил лужу, а Ёжик всё бормотал и прищёпывал, лёжа рядом в траве.

— Послушай, Ёжик, — сказал Медвежонок, — зачем нам эта лягушка, а? Пойдём наберём грибков, зажарим! А я для тебя яблочко припас.

— Нет, — не открывая глаз, сказал Ёжик. — Она запоёт.

— Ну и запоёт. Толку-то?

— Эх ты! — сказал Ёжик. — Грибки! Яблочки!..

Если б ты только знал, как это — звуки и голоса!



*Когда ты  
прячешь  
солнце,  
мне грустно*

Над горой туман и розовато-оранжевые отсветы. Весь день лил дождь, потом перестал, выглянуло солнце, зашло за гору, и вот теперь была такая гора. Было очень красиво, так красиво, что Ёжик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу.

А гора всё время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое — вправо, а голубое стало сизосиним и осталось вверху.

Ёжик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь — всё по-другому. — Открывай скорей, — шепнул Ёжик. — Очень здорово!

Теперь оранжевое растеклось узкой каймой по всей горе, а розовое и голубое пропало.

Туман был там, выше, а сама гора была будто опоясана оранжевой лентой.

Они снова закрыли глаза, и, когда через мгновение открыли, вновь всё изменилось.

Оранжевое вспыхивало кое-где слева и справа, розовое вдруг появилось справа, розово-голубое исчезло, и гора вся стала такой тёмной, торжественной, что от неё просто нельзя было отвести глаз. Ёжик с Медвежонком снова закрыли и открыли глаза: гора была покойной, туманной, с лёгким розоватым отсветом справа, но они не успели снова закрыть глаза, как этот отсвет пропал.











Туманная, очень красивая гора глядела на Ёжика с Медвежонок.

И вдруг, или это Ёжику с Медвежонок показалось, кто-то заговорил:

— Вам нравится на меня смотреть?

— Да,— сказал Ёжик.

— А кто? Кто говорит? — шёпотом спросил Медвежонок.

— Я красивая?

— Да,— сказал Ёжик.

— А когда я вам больше нравлюсь — утром или вечером?

Тут и Медвежонок понял, что это говорит гора.

— Мне — утром,— сказал Медвежонок.

— А почему?

— Тогда впереди целый день и...

— А тебе, Ёжик?

— Когда ты прячешь солнце, мне грустно,— сказал Ёжик.— Но я больше люблю смотреть на тебя вечером.

— А почему?

— Когда смотришь вечером, как будто стоишь там, на вершине, и далеко, далеко видно.

— Что же ты видел сегодня, Ёжик? — спросила гора.

— Сегодня так пряталось солнце, а кто-то так не давал ему уйти, что я ни о чём не думал, я только смотрел.

— А я... Мы... То откроем глаза, то закроем.

Мы так играем,— сказал Медвежонок.

Быстро сгущались сумерки.

И когда почти совсем стемнело, иссиние-зелёное небо вдруг оторвалось от горы, а вся она стала резко видна, чернея на бледно-голубой полосе, отделяющей её от тёмного неба.



*Разрешите  
с вами  
посумерничать*

— Заяц просится посумерничать.

— Пускай сумерничает,— сказал Ёжик и вынес на крыльцо ещё одно плетёное кресло.

— Можно войти? — спросил Заяц. Он стоял под крыльцом, пока Медвежонок разговаривал с Ёжиком.

— Входи,— сказал Ёжик.

Заяц поднялся по ступенькам и аккуратно вытер лапы о половичок.

— Три-три! — сказал Медвежонок.— Ёжик любит, чтобы было чисто.

— Можно сесть? — спросил Заяц.

— Садись,— сказал Медвежонок.

И Ёжик с Медвежоном тоже сели.

— А как мы будем сумерничать? — спросил Заяц. Ёжик промолчал.

— Сиди в сумерках и молчи,— сказал Медвежонок.

— А разговаривать можно? — спросил Заяц.

Ёжик опять промолчал.

— Говори,— сказал Медвежонок.

— Я в первый раз сумерничаю,— сказал Заяц,— поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно?

— Мы не сердимся,— сказал Ёжик.

— Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ёжик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...











— И чего? — спросил Медвежонок.

— А ничего. Темно стало, — сказал Заяц. — Нет, думаю, это не просто так, это не просто сиди и жди. Что-то здесь есть. Попрошусь, думаю, посумерничать с Ёжиком и Медвежонком. Вдруг пустят?

— Угу, — сказал Медвежонок.

— А мы уже сумерничаем? — спросил Заяц.

Ёжик глядел, как медленно опускаются сумерки, как заволакивает низинки туман, и почти не слушал Заяца.

— А можно, сумерничая, петь? — спросил Заяц.

Ёжик промолчал.

— Пой, — сказал Медвежонок.

— А что?

Никто ему не ответил.

— А можно весёлое? Давайте я весёлое спою, а то зябко как-то?

— Пой, — сказал Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — завопил Заяц.

И Ёжику сделалось совсем грустно.

Медвежонку было неловко перед Ёжиком, что вот он притащил Заяца и Заяц мелет не разбери чего, а теперь ещё воет песню. Но Медвежонок не знал, как быть, и поэтому завопил вместе с Заяцем.

— Ля-ля-лю-лю! — вопил Медвежонок.

— Ля-ля! Ля-ля! — пел Заяц.

А сумерки сгущались, и Ёжику просто больно было всё это слышать.

— Давайте помолчим, — сказал Ёжик. — Послушайте, как тихо!

Заяц с Медвежонком смолкли и прислушались.

Над поляной, над лесом плыла осенняя тишина.

— А что, — шёпотом спросил Заяц, — теперь делать?

— Шшш! — сказал Медвежонок.



— Это мы сумерничаем? — прошептал Заяц.

Медвежонок кивнул.

— До темноты — молчать?..

Стало совсем темно, и над самыми верхушками ёлок показалась золотая долька луны.

От этого Ёжику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее. Они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись.





*Как  
оттенить  
тишину*

— Я очень люблю осенние пасмурные дни,— сказал Ёжик.— Солнышко тускло светит и так туманно-туманно...

— Спокойно,— сказал Медвежонок.

— Ага. Будто всё остановилось и стоит.

— Где? — спросил Медвежонок.

— Нет, вообще. Стоит и не двигается.

— Кто?

— Ну, как ты не понимаешь? Никто.

— Никто стоит и не двигается?

— Ага. Никто не двигается.

— А комары? Вон как летают! Пи-и!.. Пи-и!..— И Медвежонок замахал лапами, показал, как летит комар.

— Комары только ещё больше,— тут Ёжик остановился, чтобы подыскать слово,— о т т е н я ю т неподвижность,— наконец сказал он.

Медвежонок сел:

— Как это?

Они лежали на травке у обрыва над рекой и грелись на тусклом осеннем солнышке.

За рекой, полыхая осинами, темнел лес.

— Ну вот смотри! — Ёжик встал и побежал.— Видишь?

— Что?

— Как неподвижен лес?

— Нет,— сказал Медвежонок.— Я вижу, как ты бежишь.



— Ты не на меня смотри, на лес! —  
И Ёжик побежал снова. — Ну?  
— Значит, мне на тебя не смотреть?  
— Не смотри.  
— Хорошо, — сказал Медвежонок и отвернулся.  
— Да зачем ты совсем-то отвернулся?  
— Ты же сам сказал, чтобы я на тебя не смотрел.  
— Нет, ты смотри, только на меня и на лес  
о д н о в р е м е н н о, понял? Я побегу, а он  
будет стоять. Я о т т е н ю его неподвижность.  
— Хорошо, — сказал Медвежонок. — Давай  
попробуем. — И уставился на Ёжика во все глаза. —  
Беги!  
Ёжик побежал.  
— Быстрее! — сказал Медвежонок.  
Ёжик побежал быстрее.  
— Стой! — крикнул Медвежонок. — Давай начнём  
сначала.  
— Почему?  
— Да я никак не могу посмотреть на тебя и на  
лес одновременно: ты так смешно бежишь, Ёжик!  
— А ты смотри на меня и на лес, понимаешь?  
Я — бегу, лес — стоит. Я о т т е н я ю его  
неподвижность.  
— А ты не можешь бежать большими прыжками?  
— Зачем?  
— Попробуй.  
— Что я — кенгуру?  
— Да нет, но ты — ножками, ножками,  
и я не могу оторваться.  
— Это не важно, как я бегу, понял?  
Важно то, что я бегу, а он — стоит.  
— Хорошо, — сказал Медвежонок. — Беги!  
Ёжик побежал снова.  
— Ну?











— Такими маленькими шажками не оттенишь, — сказал Медвежонок. — Тут надо прыгать вот так! — И он прыгнул, как настоящий кенгуру.

— Стой! — крикнул Ёжик. — Слушай! Медвежонок замер.

— Слышишь, как тихо?

— Слышу.

— А если я крикну, то я криком о т т е н ю тишину.

— А-а-а!.. — закричал Медвежонок.

— Теперь понял?

— Ага! Надо кричать и кувыряться!

А-а-а! — снова завопил Медвежонок и перекувырнулся через голову.

— Нет! — крикнул Ёжик. — Надо бежать и подпрыгивать. Вот! — И заскакал по поляне.

— Нет! — крикнул Медвежонок. — Надо бежать, падать, вскакивать и лететь.

— Как это? — Ёжик остановился.

— А вот так! — И Медвежонок сиганул с обрыва.

— И я! — крикнул Ёжик и покатился с обрыва вслед за Медвежонок.

— Ля-ля-ля! — завопил Медвежонок, вскарабкиваясь обратно.

— У-лю-лю! — по-птичьею заверещал Ёжик.

— Ай-яй-яй! — во всё горло закричал Медвежонок и прыгнул с обрыва снова.

Так до самого вечера они бегали, прыгали, сигналы с обрыва и орали во всё горло, оттеняя неподвижность и тишину осеннего леса.





## *В сумерках*

— Ты думаешь, мы добежим к тебе до темноты? — спросил Ёжик.

— Должны.

— Тогда беги быстрее!

— Я бегу, — сказал Медвежонок.

Они бежали по огромному полю в последних лучах заката.

— Ты заметил, что земля выпуклая? — на бегу спросил Ёжик.

— Ага.

— Заметил, что в последних лучах солнца она красивей всего?

— Угу, не отставай, Ёжик! — крикнул Медвежонок.

— Я не отстаю... Мне хочется... с тобой...

— Вот прибежим, сядем... тогда...

— Ты думаешь, — крикнул Ёжик, он уже отстал шагов на двадцать, — мы правильно... бежим?

— Как? — Медвежонок остановился.

— Я говорю... туда бежим или нет?.. — подбежал Ёжик.

— Конечно! Садись ко мне на спину! Будем бежать и разговаривать.

— Так мы ещё никогда не бегали.

— Попробуем, а?

— Давай!

Ёжик забрался Медвежонку на плечи, Медвежонок побежал.

— Здорово ты бежишь! — сказал Ёжик.











— Ага.  
— Вот не знал, что на тебе так здорово ехать!  
— Ага.  
— Что ты всё «ага да ага»?  
— Мне... трудно... говорить... — сказал Медвежонок.  
— Садись на меня.  
— Да ты что?  
— Нет-нет, давай я тебя повезу.  
— Ты колючий.  
— А мы что-нибудь подстелим.  
— Сиди, — сказал Медвежонок. — Говори что-нибудь... Скоро приедем.  
— Что говорить?  
— Пой!  
— Петь?  
— Ага.  
— А что?  
— погоди!  
Медвежонок с Ёжиком вбежал в кустарник, и ветки так и захлопали по глазам.  
— Береги глаза! — крикнул Медвежонок.  
— Я берегу. А здорово мы перепрыгнули ручей.  
— Ага.  
— А если б упали?  
— Держись! — крикнул Медвежонок и покати́лся в овраг. — Уф-ф!... Живой? Ты где, Ёжик?  
— Здесь я.  
— Где?  
В овраге было уже совсем темно, и Медвежонок еле различил Ёжика под кривой сосной.  
— Здесь я, — сказал Ёжик, вставая.  
— Ну, садись!  
— Нет, — сказал Ёжик. — Давай скорее выберемся наверх, там сяду.



Они выкарабкались из оврага. Ёжик снова забрался Медвежонку на плечи, и Медвежонок побежал.

— Никогда не думал, что так здорово ехать в сумерки,— сказал Ёжик.— Так тихо, а я прямо лечу... Ты можешь не пыхтеть?

— Могу,— сказал Медвежонок. И побежал, не дыша.

— Дыши,— сказал Ёжик,— а то лопнешь.

Медвежонок опять запыхтел. А Ёжик глядел по сторонам, видел маленькую звёздочку вдали и думал, что земля ещё никогда не была такой красивой, как в эти осенние сумерки.

— Стой! — крикнул Ёжик.

Медвежонок остановился.

— Садись на меня.— Ёжик спрыгнул на землю.— Садись, говорю!

— Брось ты,— сказал Медвежонок.

— Нет садись! Ты должен увидеть, какая она красивая, земля.

Медвежонок взгромоздился на Ёжика, но вдруг захохотал, запрыгал.

— Ой, щекотно! Колется! — вопил Медвежонок.

— Ничего-ничего! Гляди! Ты только гляди! — кричал Ёжик.





## *В родном лесу*

Заяц утром как вышел из дома, так и потерялся в необъятной красоте осеннего леса.

«Давно уже пора снегу пасть, — думал Заяц. — А лес стоит тёплый и живой».

Встретилась Зайцу Лесная Мышь.

— Гуляешь? — сказал Заяц.

— Дышу, — сказала Мышка. — Надышаться не могу.

— Может, зима про нас забыла? — спросил Заяц. — Ко всем пришла, а в лес не заглянула.

— Наверно, — сказала Мышка и пошевелила усиками.

— Я вот как думаю, — сказал Заяц. —

Если её до сих пор нет, значит, уже не заглянет.

— Что ты! — сказала Мышка. — Так не бывает!

Не было ещё такого, чтобы зима прошла стороной.

— А если не придёт?

— Что говорить об этом, Заяц? Бегай, дыши, прыгай, пока лапы прыгают, и ни о чём не думай.

— Я так не умею, — сказал Заяц. — Я всё должен знать наперёд.

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Зайцы не состариваются, — сказал Заяц. —

Зайцы умирают молодыми.

— Это почему же?

— Мы бежим, понимаешь? А движение — это жизнь.



— Хи-хи! — сказала Мышка. — Ещё каким стареньким будешь.

Они вместе шли по тропинке и не могли налюбоваться на свой лес.

Он был весь сквозящий, мягкий, родной.

И оттого, что в нём было так хорошо, на душе у Зайца и Мышки сделалось грустно.

— Ты не грусти, — сказал Заяц.

— Я не грущу.

— Грустишь, я вижу.

— Да вовсе не грущу, просто печально.

— Это пройдёт, — сказал Заяц. — Насыплет снега, надо будет путать следы. С утра до вечера бегай и запутывай.

— А зачем?

— Глупая ты. Съедят.

— А ты бегай задом наперёд, — сказала Мышка. — Вот так! — И побежала по дорожке спиной вперёд, мордочкой к Зайцу.

— Здрóрово! — крикнул Заяц. И помчался следом.

— Видишь? — сказала Мышка. — Теперь никто не поймёт, кто ты.

— А я... А я... Я знаешь тебя чему научу?

Я тебя научу есть кору, хочешь?

— Я кору не ем, — сказала Мышка.

— Тогда... Тогда... Давай я тебя научу бегать!

— Не надо, — сказала Мышка.

— Да чем же мне тебе отплатить?

— А ничем, — сказала Лесная Мышь. — Было бы хорошо, если бы тебе помог мой совет.

— Спасибо тебе! — сказал Заяц. И побежал от Мышки задом наперёд, улыбаясь и шевеля усами. «Здрóрово! — думал Заяц. — Теперь меня никто не поймают. Надо только хорошенько натренироваться, пока не выпал снег».











Он бежал задом наперёд через любимый свой лес,  
спускался в овраги, взбирался на холмы,  
«получается!» — вопил про себя Заяц и чуть  
не плакал от радости, что теперь уже никто никогда  
не отыщет его в родном лесу.





## Сосновая Шишка

Светлый вечер в осеннем лесу.

Затрещала и смолкла неизвестная птица.

Заяц выбежал к ручью, сел и стал слушать,  
как журчит вода.

— Вода, вода, куда ты бежишь? — спросил Заяц.

— С камушка на камушек по камушкам бегу!

«По камушкам. Хорошо ей! — подумал Заяц. —

Вот бы мне так!»

Пришёл Муравей.

— Ты что бродишь? — спросил Заяц. —

Скоро зима, а ты по лесу шатаешься?

— Надо, — сказал Муравей.

Зачерпнул ведёрком воды и пошёл.

— Стой! Давай поговорим, — сказал Заяц.

Муравей остановился:

— О чём?

— О чём хочешь.

— Некогда мне разговаривать, — сказал Муравей. —

Воду надо нести. — И ушёл.

— Вот жизнь! — вздохнул Заяц. — Муравьи по  
воду ходить стали, поговорить не с кем. Раньше  
хоть какой-никакой гриб попадётся, с ним  
потолкуешь. А теперь и грибы куда-то попрятались.

— А ты со мной поговори, — сказала Сосновая

Шишка. Она лежала рядышком у ручья. —

Я — старая, много всего видала.

— Что же ты видела? — спросил Заяц.

— Небо, — сказала Шишка.











— Кто ж его не видел? Вот оно!

— Не-ет, я там была, высоко,— вздохнула Шишка.— Меня ветер любил. Прилетит, бывало: «Здравствуй, Шишка!» — «Здравствуй, говорю, где пропадал?» — «К морю летал, корабли двигал». Во как! А ты чего скучный такой?

— Не знаю,— сказал Заяц.

— Эх, жизнь была! Утречком проснёшься — весь лес в тени, а у нас уже солнышко! Солнышко пригреет, ветер прилетит — шумим-веселимся!.. А ночью — звёзды. Так в глаза и глядят. Я любила одну. Зелёная такая, ласковая. Только покажется, а уж ветерок мой тут как тут. «Полетим, говорит, к звезде, Шишка!» — «Так далеко же!» — «Это нам нипочём!» Возьмёт в объятья и понесёт.

— Хорошо говоришь, бабушка,— вздохнул Заяц.

— Жили хорошо, Заяц. А что слова? Сам-то чего скучный, молодой вить?

— А где ж он теперь, Ветер?

— Летает. Ветер, он всегда молодой. А я, вишь, старая, упала. Кому нужна?

— Грустно тебе, бабушка?

— Не-е, Заяц. Лежу, на небо гляжу, водичку слушаю; звёздочку зелёную увижу — Ветер вспоминаю.





*Осенняя  
песня  
травы*

Холодно, тихо стало в лесу. Заяц прислушался — ни звука.

Лишь осинка на том берегу дрожала последним листом.

Заяц спустился к реке.

Река медленно уводила за поворот тяжёлую, тёмную воду.

Заяц встал столбиком и пошевелил ушами.

— Холодно? — спросила у него Травинка.

— Бр-р-р! — сказал Заяц.

— Мне тоже, — сказала Травинка.

— И мне! И мне!

— Кто говорит? — спросил Заяц.

— Это мы — трава.

Заяц лёг.

— Ой, как тепло! Как тепло! Как тепло!

— Погрей нас! И нас! И нас!

Заяц стал прыгать и ложиться. Прыгнет — и прильнёт к земле.

— Эй, Заяц! — крикнул с холма Медвежонок. — Ты что это делаешь?

— Грею траву, — сказал Заяц.

— Не слышу!

— Грею траву! — крикнул Заяц. — Иди сюда, будем греть вместе!











Медвежонок спустился с холма.

— Согрей нас! Согрей! Согрей! — кричали травинки.

— Видишь? — сказал Заяц. — Им холодно! — Снова прыгнул и лёг.

— К нам! К нам!

— Сюда! Сюда! — кричали со всех сторон.

— Что ж ты стоишь? — сказал Заяц. — Ложись! И Медвежонок лёг.

— Как тепло! Ух, как тепло!

— И меня погрей, Медвежонок!

— И нас! И нас!

Заяц прыгал и ложился. А Медвежонок стал потихоньку перекатываться: со спины — на бок, с бока — на живот.

— Согрей! Согрей! Нам холодно! — кричала трава.

Медвежонок катался, Заяц прыгал, и скоро согрелся весь луг.

— Хотите, мы споём вам осеннюю песню травы? — спросила первая травинка.

— Пойте, — сказал Заяц.

И трава стала петь, Медвежонок кататься, а Заяц — прыгать.

— Эй! Что вы там делаете? — крикнул с холма Ёжик.

— Греем траву! — крикнул Заяц.

— Что?

— Греем траву! — крикнул Медвежонок.

— Вы простудитесь! — закричал Ёжик.

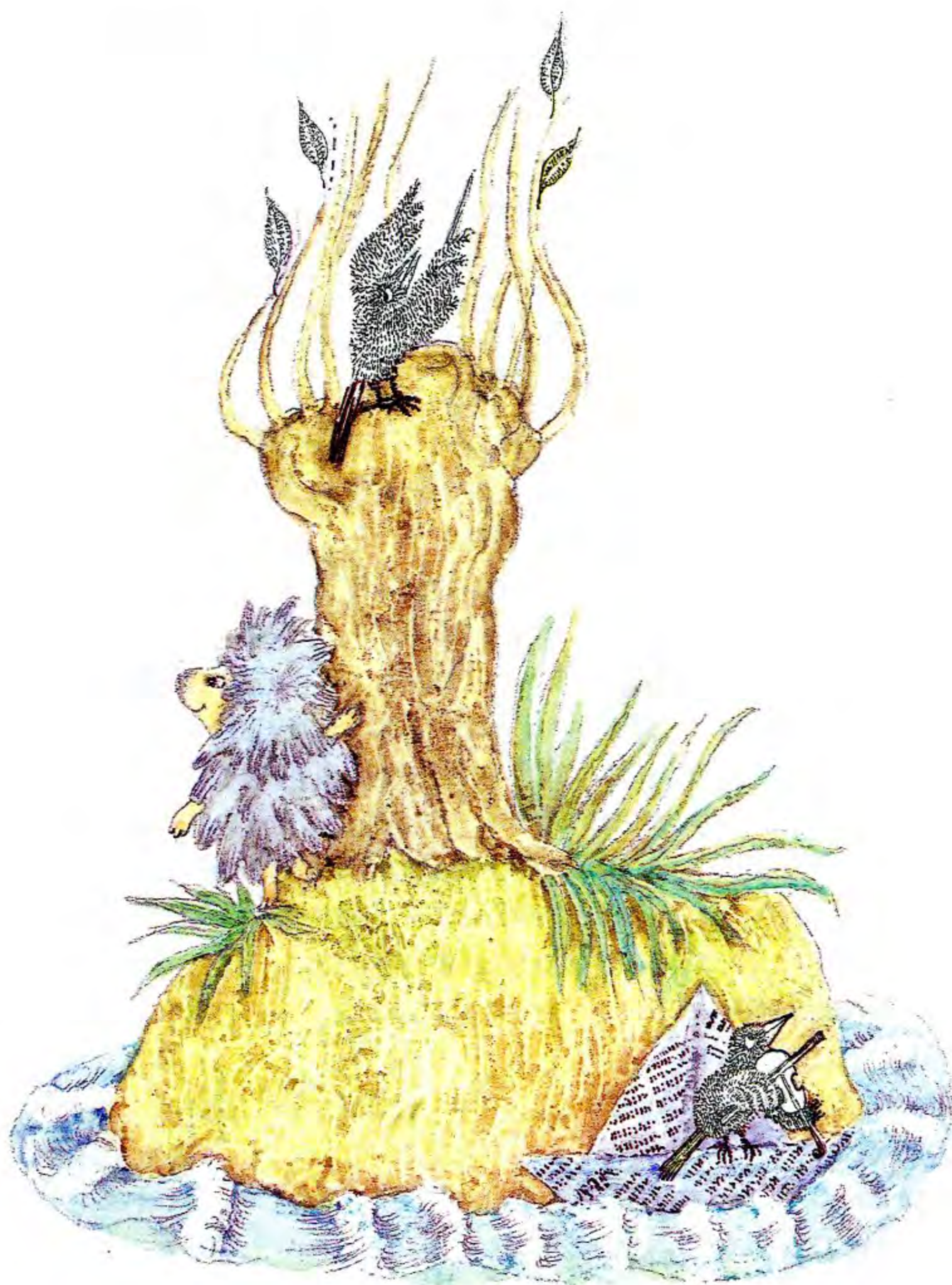
А травинки поднялись во весь рост и запели громкими голосами.

Пел весь луг над рекой.

И последний лист, что трепетал на том берегу, стал подтягивать.



И сосновые иголки, и еловые шишки, и даже паутина, забытая пауком, — все распрямились, заулыбались и затагнули изо всех сил последнюю осеннюю песню травы.





Медвежонок прижался спиной к печке. Ему было тепло-тепло и не хотелось шевелиться.

За окном свистел ветер, шумели деревья, барабанил по стеклу дождь, а Медвежонок сидел с закрытыми глазами и думал о лете.

Сначала Медвежонок думал обо всём сразу, и это «всё сразу» было для него солнышко и тепло.

Но потом под ярким летним солнышком, в тепле, Медвежонок увидел Муравья.

Муравей сидел на пенёчке, выпучив чёрные глаза, и что-то говорил, говорил, но Медвежонок не слышал.

— Да слышишь ты меня? — наконец прорвался к Медвежонку Муравьиный голос. — Работать надо каждый день, каждый день, каждый день!

Медвежонок помотал головой, но Муравей не пропадал, а кричал ещё громче.

— Лень, вот что тебя погубит!

«Чего он ко мне пристал? — подумал Медвежонок. — Я и не помню такого Муравья вовсе».

— Совсем обленились! — кричал Муравей. — Чем вы занимаетесь изо дня в день? Отвечай!

— Гуляем, — вслух сказал Медвежонок у печки. — Так лето же.

— Лето! — взвился Муравей. — А кто работать будет?

— Мы и работаем.

— Что же вы сделали?



— Мало ли,— сказал Медвежонок. И ещё тесней прижался к печному боку.

— Нет, ты мне говори — что?

— Скворечник.

— Ещё?

— Камелёк сложили.

— Где?

— У реки.

— Зачем?

— По вечерам сидеть. Огонь разведёшь — и сиди. И Медвежонку представилось, как они с Ёжиком сидят ночью под звёздами у реки, варят чай в чайнике, слушают, как плещется рыба в воде, и чайник сперва урчит, а потом клокочет, и звёзды падают прямо в траву и, большие, тёплые, шевелятся у ног. И так Медвежонку захотелось в ту летнюю ночь, так захотелось полежать в мягкой траве, глядя в небо, что Медвежонок сказал Муравью:

— Иди сюда, садись у печки, а я пойду туда, в лето.

— А соломинку ты за меня понесёшь? — спросил Муравей.

— Я,— сказал Медвежонок.

— А шесть сосновых иголок?

— Я,— сказал Медвежонок.

— А две шишки и четыре птичьих пера?

— Всё отнесу,— сказал Медвежонок.— Только иди сюда, сядь к печке, а?

— Нет, ты погоди,— сказал Муравей.— Трудиться — обязанность каждого.— Он поднял лапку.— Каждый день...

— Стой! — крикнул Медвежонок.— Слушай мою команду: к печке бегом, марш!

И Муравей выбежал из лета и сел к печке, а Медвежонок еле-еле протиснулся на его место.











Теперь Медвежонок сидел на пенке летом,  
а Муравей поздней осенью у печки в Медвежьем доме.

— Ты посиди, — сказал Медвежонок Муравью, —  
а придёт Ёжик, напои его чаем.

И Медвежонок побежал по мягкой тёплой траве,  
и забежал в реку, и стал брызгаться водой, и, если  
поглядеть прищурившись, в брызгах возникала  
каждый раз настоящая радуга, и каждый раз  
Медвежонку не верилось, и каждый раз Медвежонок  
видел её снова.

— Эй! — крикнул Муравей в лето. — А кто обещал  
работать?

— погоди! — сказал Медвежонок. — И снова стал,  
щурясь, брызгаться и ловить сквозь ресницы радугу.

— Обязанность каждого — трудиться, — говорил  
Муравей, прижавшись к горячей печке. — Каждый  
день...

«Заладил, — подумал Медвежонок. — Ну как он  
не понимает, что это — лето, что оно — короткое,  
что оно вот-вот кончится и что каждый раз у меня  
в лапах сверкает радуга».

— Муравей! — крикнул из своего лета  
Медвежонок. — Не бубни! Разве я не работаю?  
Разве я отдыхаю?

И он снова ударил по воде лапой, прищурился  
и увидел радугу.





## Ёжикина гора

Давно уже Ёжик не видел такого большого неба. Давно уже не было такого, чтобы он вот так останавливался и замирал. И если кто у него спрашивал, зачем он останавливается, отчего замирает, Ёжик всё равно бы ни за что не смог ответить.

— Ты куда глядишь, Ёжик? — спросила Белка.

— А, — сказал Ёжик. И махнул лапой.

— Ты что там увидел? — спросил Муравей.

— Молчит, — сказала Белка.

— Задумался, — проворчал Муравей и побежал по своим делам.

А Ёжику вдруг показалось, что он впервые увидел этот лес, этот холм, эту поляну.

Что никогда-никогда до этого ничего подобного он не видал.

«Как же так? — думал Ёжик. — Ведь я столько раз бежал по этой тропинке, столько раз стоял на этом холме».

И деревья были такие необыкновенные — лёгкие, сквозящие, будто сиреневые, и полны такой внутренней тишиной и покоем, что Ёжик не узнавал знакомые с детства места.

— Что же это? — бормотал Ёжик. — Почему же я раньше не видел всего?

И птицы, те немногие птицы, что остались в лесу, казались теперь Ёжику необыкновенными.

«Это не Ворона, это какой-то Орёл кружит над











лесом,— думал Ёжик.— Никогда не видел такой огромной птицы».

— Всё стоишь? — спросил Муравей.— Я уже вон какую соломинку оттащил, а он всё стоит.

— Не мешай ему,— сказала Белка.— Он думает.

— Думает, думает,— проворчал Муравей.— Что бы стало в лесу, если б все думали.

— Подумает, и всё,— сказала Белка.— Не мешай.

— Все вы бездельники,— сказал Муравей.— Все вы друг за дружку горой.— И убежал.

А Ёжик про себя поблагодарил Белку, потому что он слышал разговор где-то далеко-далеко, будто говорили на облаках, а он — на дне моря.

«Какая она добрая,— подумал о Белке Ёжик.— Почему я раньше никогда её не встречал?»

Пришёл Медвежонок.

— Ну что? — сказал он.— Что делать будем?

Ёжик смотрел на лес, на холм, на Ворону, кружащую за рекой, и вдруг понял, что ему так не хочется отвечать, так не хочется спускаться со своей горы... И он стал благодарно думать о том, по чьей доброте на этой горе оказался.





Всё лето Заяц плёл верёвку, и к осени она у него стала длиной до неба.

«Приделаю крючок, — думал Заяц, — заброшу на звезду и...»

Прибежала Белка:

— Ты что делаешь, Заяц?

— Верёвку сплёл, — сказал Заяц.

— А зачем?

— Залезу на небо, — сказал Заяц. — Хочешь, тебя возьму с собой?

— Возьми, — сказала Белка.

Ночью высыпали звёзды.

Заяц забросил крючок на самую большую звезду, и верёвка тонкой паутинкой протянулась от земли до неба.

— Лезь, — сказал Заяц.

— А ты?

— Я за тобой.

И Белка побежала на небо.

Заяц полез следом, но он не умел лазать по верёвке, и поэтому сильно отстал.

— Ты где? Лезь скорее! — кричала Белка из темноты.

А Заяц лез и лез и уже стал уставать.

— Где же ты? — торопила Белка.

Она давно забралась на звезду и ждала Зайца.

А Заяц раскачивался посерединке, между небом и землёй, и у него не было больше сил ни лезть вверх, ни спуститься на землю.











— Ну что ты там? — спросила из темноты Белка.  
— Сил нет. Не могу, — сказал Заяц.  
— Ты — как по веточке, как по веточке, — сказала Белка.  
Заяц раскачивался во тьме, уши его трепал ночной ветерок, он видел далеко внизу родной лес, а вверху — большую звезду и понимал, что сейчас разожмёт лапы и упадёт.  
«Всё лето плёл верёвку, — горестно думал Заяц, — и вот...»  
— Эй! — вдруг услышал он знакомый голос с земли. — Кто там висит?  
И другой знакомый голос ответил:  
— Далеко. Не видно.  
— Как ты думаешь, Ёжик, кто там может быть?  
— Птица, — сказал Ёжик.  
— Какая же птица висит посреди неба?  
«Редкая», — хотел сказать Заяц. Но промолчал.  
— Это Заяц! — крикнула со звезды Белка. — Полез на небо и вот застрял.  
— Медвежонок, его надо спасти!  
— Спасите меня, — тихо сказал Заяц.  
— С каких это пор Зайцы стали лазать по небу? — проворчал Медвежонок и дёрнул за верёвку.  
— Ой, — тихо сказал Заяц.  
— Как будем спасать? — спросил Ёжик.  
— Сейчас, — сказал Медвежонок. И убежал.  
— Заяц! — крикнул Ёжик. — Это ты?  
— Я, — тихо сказал Заяц.  
— Не слышу!  
— Я, — погромче сказал Заяц, потому что, если бы он крикнул совсем громко, он бы упал.  
— Это он, он! — крикнула со звезды Белка.  
— Держись, Заяц! — крикнул Ёжик. — Медвежонок что-то придумал!



И тут вернулся Медвежонок с простынёй.  
— Держи,— сказал он. И дал два конца Ёжику.—  
Заяц! — закричал в темноту Медвежонок.—  
Прямо под тобой мы растянули простыню, слышишь?  
Прыгай!  
— Я боюсь,— сказал Заяц.  
— Он боится! — крикнула Белка. Ей со звезды  
было слышнее.  
— Прыгай, кому говорят! — ещё громче крикнул  
Медвежонок, и, откинувшись назад, они с Ёжиком,  
как могли, растянули простыню.— Ну!  
— Прыгай! — крикнула Белка.  
Заяц разжал лапы и полетел, полетел, полетел,  
только чёрный ночной ветер засвистал между  
ушами.  
«Где ж простыня? Где же земля?» — думал Заяц  
и не знал, что он, как большая птица с широкими  
крыльями, летит над землёй и уже не может упасть.





## Красота

Когда все забились по своим норкам и стали ждать зимы, неожиданно прилетел тёплый ветер. Он обнял своими широкими крыльями весь лес, и всё ожило — запело, застрекотало, зазвенело.

Вылезли греться на солнышке паучки, проснулись задремавшие лягушки, Заяц сел посреди поляны на пенёк и поднял уши. А Ёжик с Медвежонок просто не знали, что им делать.

— Пойдём искупаемся в реке, — сказал Медвежонок.

— Вода ледяная.

— Пойдём наберём золотых листьев!

— Листья-то облетели.

— Пойдём наберём тебе грибков!

— Какие грибы? — сказал Ёжик. — Откуда?

— Тогда... Тогда... Айда ляжем — будем лежать на солнышке!

— Земля холодная.

— Вода ледяная, земля холодная, грибов нет, листья облетели, а зачем — тепло?

— То-то и оно! — сказал Ёжик.

— То-то и оно! — передразнил Медвежонок. —

А что же делать-то?

— Пойдём напилим тебе дров!

— Нет, — сказал Медвежонок. — Дрова пилить хорошо зимой. Вжик-вжик! — и золотые опилки в снег! Небо синее, солнце, мороз. Вжик-вжик! — хорошо!

— Пойдём! Попилим!







— Что ты! А зимой? Бац! — и пар изо рта. Бац! Колешь, поёшь, а сам дымишься. Это такая радость — в звонкий солнечный день колоть дрова!

— Тогда не знаю, — сказал Ёжик. — Думай сам.

— Пойдём наберём веточек, — сказал Медвежонок. — Голых ветвей. А на некоторых — один или два листика. Знаешь, как красиво!

— А что с ними делать?

— Поставим в доме. Только немного, понимаешь? — сказал Медвежонок. — Если много — будут просто кусты, а если чуть-чуть...

— Пойдём, — согласился Ёжик.

И они пошли, наломали красивых веток и с ветками в лапах направились к дому Медвежонка.

— Эй! Зачем это вам веники? — крикнул Заяц.

— Это не веники, — сказал Ёжик. —

Это — красота! Разве не видишь?

— Красота! Вон её сколько, этой красоты! — сказал Заяц. — Красота — это когда мало. А здесь — вон сколько!

— Это здесь, — сказал Медвежонок. —

А у нас зимой дома будет красота.

— И вы эти веники потащите домой?

— Ну да, — сказал Ёжик. — И ты себе тоже набери, Заяц.

— Да что я, сдвинулся? — удивился Заяц. —

Живу в лесу и голые ветки...

— Да ты пойми, — сказал Медвежонок, — возьмёшь две-три веточки и поставишь дома в кувшин.

— Лучше рябину, — сказал Заяц.

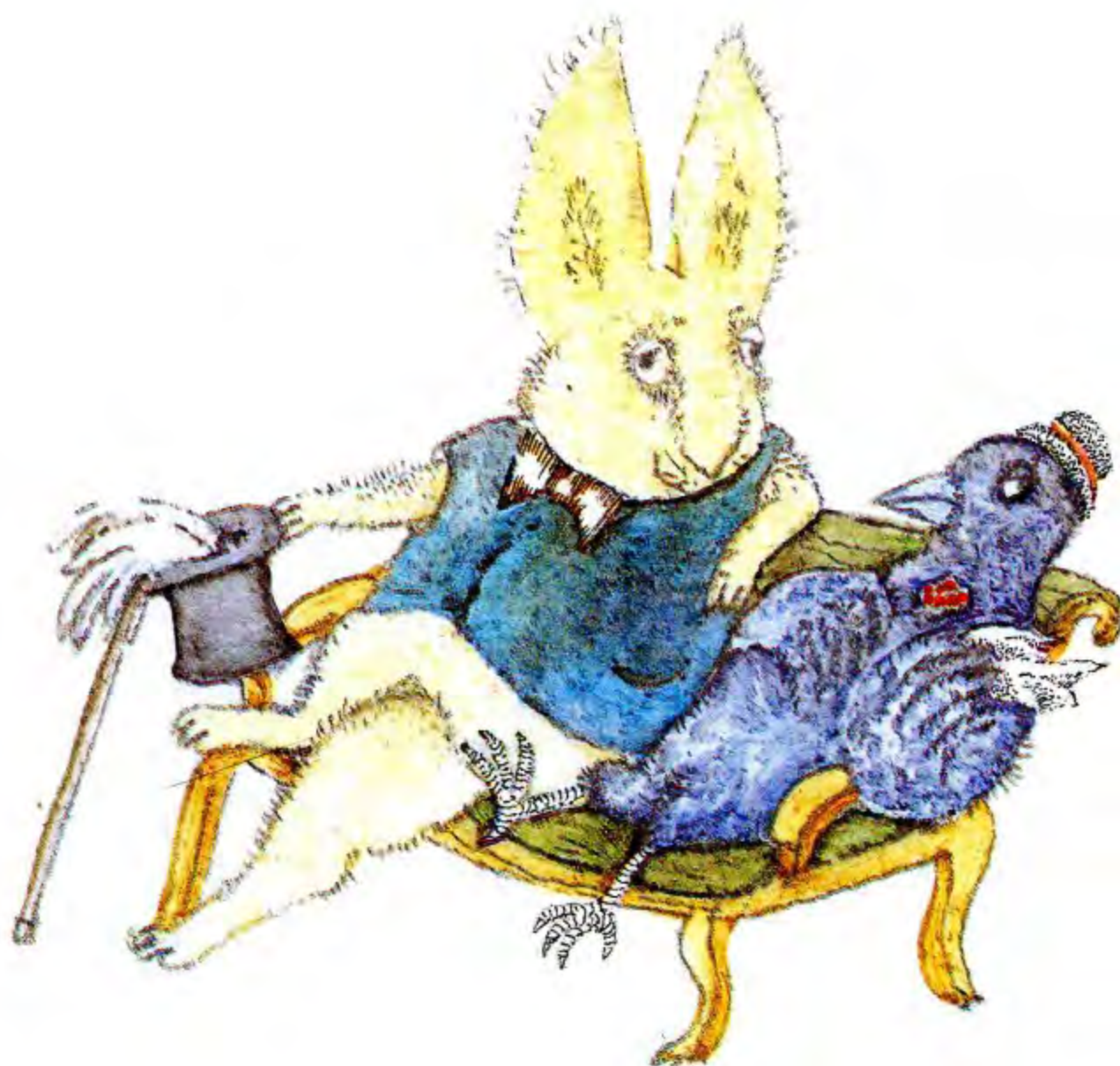
— Рябину — само собой. А ветки — очень красиво!

— А куда вы их поставите? — спросил Заяц у Ёжика.

— На окно, — сказал Ёжик. — Они будут стоять прямо у зимнего неба.



— А ты? — спросил Заяц у Медвежонка.  
— И я на окно. Кто ни придёт — обрадуется.  
— Ну вот, — сказал Заяц. — Значит, права Ворона. Она ещё утром сказала: «Если осенью в лес приходит тепло, многие шалеют». Вы ошалели, да? Ёжик с Медвежонком посмотрели друг на друга, потом на Зайца, а потом Медвежонок сказал:  
— Глупый ты, Заяц. И твоя Ворона — глупая. Разве это ошалеть — из трёх веточек сделать для всех красоту?









Тёплым  
тихим  
утром посреди  
зимы









## Последнее солнце

Уже и морозы ночами леденили лужи, уже и все птицы улетели на юг, а солнце всё не кончалось. Каждое утро Ёжик просыпался и, отдёрнув занавеску, со страхом глядел, не нагнало ли туч, не спряталось ли навсегда солнце.

Но солнце не кончалось.

— Ну ещё день, ну ещё! — шептал Ёжик.

И солнце будто слышало, как его просят, и являлось вновь.

— Не уходи, Солнце, не пропадай! — ложась спать, шептал Ёжик. — Я так тебя люблю!

— Ты просишь солнышко не пропадать? — как-то спросил он Медвежонка.

— А как же! — сказал Медвежонок. — Я перед сном обязательно говорю: «Пожалуйста, приди!»

— Правильно, — сказал Ёжик. — Потому оно и не пропадает.

Но однажды утром Ёжик выглянул из окна и увидел, что солнца нет.

Он выбежал на крыльцо:

— Солнце, где же ты?

Хмурые тучи ползли над лесом. Серые мохнатые тучи закрыли небо.

— Тучи! — крикнул Ёжик. — Ну что вы столпились? Зачем вы здесь?

Тучи молча плыли, задевая верхушки деревьев.

— Ветер! — позвал Ёжик. — Ветер!..

Ветер летал где-то высоко и не слышал его.



— Медвежонок! — крикнул Ёжик.  
Но Медвежонок был далеко за горой и тоже не услышал Ёжика.  
«Осень. Не каждый же день светить солнцу. Но почему мне именно сегодня так тяжело?» — думал Ёжик.  
— Почему мне сегодня так тяжело? — спросил он у Медвежонка, когда тот наконец пришёл из-за горы.  
— Потому что ты боишься, что солнце никогда уже не придёт, до весны, — сказал Медвежонок. Но тут тучи разорвало, блеснул луч солнца, и Ёжик с Медвежонком так обрадовались, как не радовались никогда в жизни.





*Вольный  
осенний  
ветер*

Ни свет ни заря к Ёжику с Медвежонок  
прибежал Заяц.

— Эй! — закричал он. — Эгей! Эге-ге-гей!

— Ну что? Говори, — сказал Медвежонок.

— Эге-ге-ге-ге! — вопил Заяц.

— Да говори же! — Ёжик начал сердиться.

— Эге-ге-ге-ге! Ге-гей! Ге-гей! — И Заяц убежал.

— Чего это он?

— Не знаю, — сказал Медвежонок.

А Заяц птицей летел по лесу и вопил истошным  
заячьим голосом.

— Что с ним? — спросила Белка.

— Понять не могу, — сказал Муравей.

А Заяц сделал полный круг и снова выбежал на  
медвежью поляну.

— Скажешь или нет? — крикнул Медвежонок.

Заяц вдруг остановился, замер, встал на задние  
лапы и...

— Ну же! — крикнул Ёжик.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — расхохотался Заяц и понёсся  
со всех ног прочь.

— Может, он с ума сошёл, с ума сошёл, с ума  
сошёл? — тараторила Сорока.

— Да нет, он в своём уме, в своём уме, в своём уме! —  
долбил Дятел.

И только Заяц ни у кого ничего не спрашивал,  
никому ничего не говорил, а вольный, как ветер,  
летел по лесу.











— Знаешь,— сказал Медвежонок.— Мне кажется, он вообразил себя... ветром. Он мне как-то сказал: «Представляешь, Медвежонок, если я стану ветром?» — Это здорово,— сказал Ёжик.— Только Заяц никогда до такого не додумается. И ошибся.

Потому что Заяц в этот лёгкий солнечный день действительно с утра почувствовал себя вольным осенним ветром, летящим по полям и лесам.





*Мы будем  
приходить  
и  
дышать*

Вот уже несколько дней не было солнца.  
Лес стоял пустой, тихий. Даже вороны не летали, —  
вот какой был пустой лес.

— Ну всё, готовься к зиме, — сказал Медвежонок.

— А где птицы? — спросил Ёжик.

— Готовятся. Утепляют гнёзда.

— А Белка где?

— Дупло сухим мохом выкладывает.

— А Заяц?

— Сидит в норе, дышит. Хочет надышать на всю зиму.

— Вот глупый, — улыбнулся Ёжик.

— Я ему сказал: перед зимой не надышишься.

— А он?

— Надышу, говорит. Буду дышать и дышать.

— Айда к нему, может, чем поможем.

И они отправились к Зайцу.

Заячья нора была в третьей стороне от горы.

С одной стороны — дом Ёжика, с другой —  
дом Медвежонка, а с третьей — нора Зайца.

— Вот, — сказал Медвежонок. — Здесь.

Эй, Заяц! — крикнул он.

— А, — глухо донеслось из норы.

— Ты что там делаешь? — спросил Ёжик.

— Дышу.

— Много надышал?

— Нет ещё. Половиночку.

— Хочешь, мы подышим сверху? — спросил  
Медвежонок.











— Не получится,— донеслось из норы.—  
У меня — дверь.  
— А ты сделай щёлочку,— сказал Ёжик.  
— Приоткрой чуть-чуть, а мы будем дышать,—  
сказал Медвежонок.  
— Бу-бу-бу,— донеслось из норы.  
— Что?  
— Сейчас,— сказал Заяц.— Ну, дышите!  
Ёжик с Медвежонком легли голова к голове  
и стали дышать.  
— Ха!.. Ха!..— дышал Ёжик.  
— Ха-а!.. Ха-а!..— дышал Медвежонок.  
— Ну как? — крикнул Ёжик.  
— Теплеет,— сказал Заяц.— Дышите.  
— А теперь? — через минуту спросил Медвежонок.  
— Дышать нечем,— сказал Заяц.  
— Выходи к нам! — крикнул Ёжик.  
— Дверь закрой и вылазь!  
Заяц хлопнул дверью и вылез наружу.  
— Ну как?  
— Как в бане,— сказал Заяц.  
— Вот видишь, втроём-то лучше,— сказал  
Медвежонок.  
— Мы теперь всю зиму будем к тебе приходить  
и дышать,— сказал Ёжик.  
— А будешь замерзать, приходи ко мне,—  
сказал Медвежонок.  
— Или ко мне,— сказал Ёжик.  
— Спасибо,— сказал Заяц.— Я обязательно  
приду. Только вы ко мне не ходите, ладно?  
— Да почему?..  
— Следы,— сказал Заяц.— Натопчете, и тогда  
кто-нибудь меня обязательно съест.



## Лисичка

Это был необыкновенный осенний день! Было столько синевы, столько огненных листьев, столько солнца, что к вечеру Медвежонок заплакал.

— Ты чего это? — спросил Ёжик.

— Не знаю, — сказал Медвежонок. —

Плакать хочется.

— Да ты посмотри...

— Я видел, — сказал Медвежонок. — Потому и плачу.

— Чего ж здесь плакать? Радоваться надо, — сказал Ёжик.

— Я от радости плачу, — сказал Медвежонок.

— Разве от радости плачут?

— Ещё бы! — И Медвежонок разрыдался.

— Успокойся, что ты! — Ёжик погладил Медвежонка лапой. — Завтра снова будет солнце, и снова будут лететь листья, и улетать птицы.

— Улетать, — всхлипнул Медвежонок. И разревелся ещё пуще.

— Но они прилетят, — сказал Ёжик. —

Они вернутся. Пройдёт зима, снег растает, и они вернутся.

— Зима. — Медвежонок горько плакал и весь вздрагивал.

— Ну да, зима. Но она пройдёт, и всё будет снова.

— Не хочу! Не хочу, слышишь?

— Чего ты не хочешь?











— Чтобы всё уходило, улетало! — крикнул Медвежонок.

— Это же ненадолго, — сказал Ёжик. — Ты же сам знаешь. А как красиво зимой!

— Зимой я тоже буду плакать.

— Зимой? Да почему?

— Мне будет её жалко. — И Медвежонок уже так расплакался, что Ёжик понял: словами здесь не поможешь.

— Бежим! — крикнул он.

— Куда? — поднял зарёванные глаза Медвежонок.

— Бежим, говорю! — И Ёжик схватил Медвежонка за лапу и потащил в лес.

— Куда ты меня тащишь?!

Они пробежали мимо старой сломанной берёзы, перешли по сгнившему мостку ручей, перелезли через срубленную осину и, петляя между горелых пней, поднялись в гору.

— Смотри! — сказал Ёжик и показал Медвежонку гриб-лисичку.

Маленький золотой гриб, поджав коленки, в сумерках сидел во мху.

— Видишь? — сказал Ёжик. — У него нет ни папы, ни мамы, ни Ёжика, ни Медвежонка, он совсем один — и не плачет.





*Не смотри  
на меня так,  
Ёжик*

— Я обязательно, ты слышишь? Я обязательно,— сказал Медвежонок.

Ёжик кивнул.

— Я обязательно приду к тебе, что бы ни случилось. Я буду возле тебя всегда.

Ёжик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

— Ну что ты молчишь?

— Я верю,— сказал Ёжик.

Ёжик провалился в волчью яму и просидел там неделю. Его случайно нашла Белка: она пробегала мимо и услышала слабый Ёжикин голос.

Медвежонок неделю искал Ёжика по лесу, сбился с ног и, когда к нему прибежала Белка, вытащил Ёжика из ямы и принёс домой.

Ёжик лежал, по самый нос укрытый одеялом, и глядел на Медвежонка тихими глазами.

— Не смотри на меня так,— сказал Медвежонок.— Не могу, когда на меня так смотрят.

Ёжик закрыл глаза.

— Ну вот, теперь ты как будто умер.

Ёжик открыл глаза.

— Улыбнись,— сказал Медвежонок.

Ёжик попробовал, но у него слабо получилось.

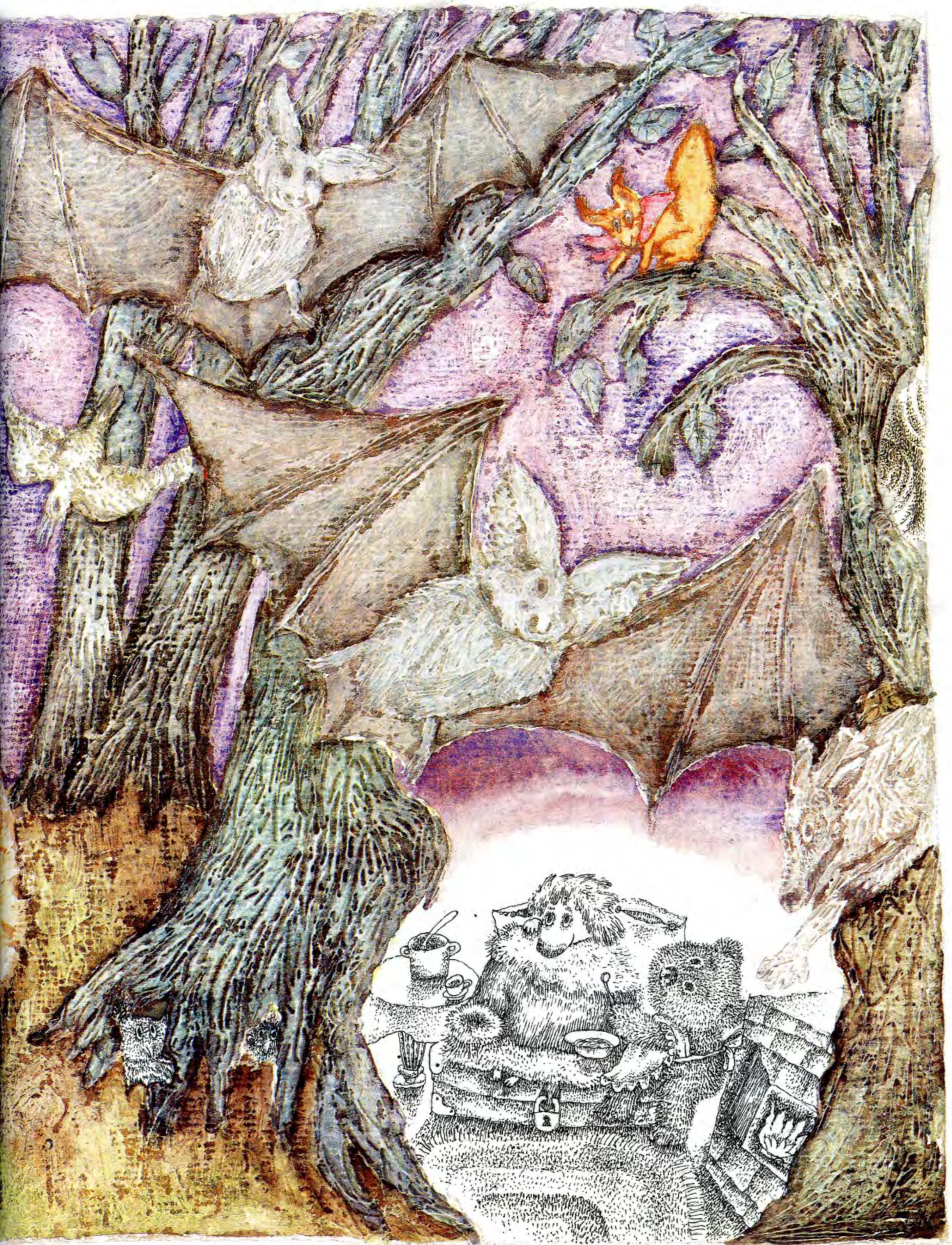
— Сейчас я тебя буду поить бульоном,— сказал Медвежонок.— Белка принесла свежих грибков, я сварил бульон.

Он налил бульон в чашку и приподнял Ёжику голову.











- Нет, не так,— сказал Медвежонок.— Ты садись.
- Не могу,— сказал Ёжик.
- Я тебя подушкой подопру. Вот так.
- Мне тяжело,— сказал Ёжик.
- Терпи.

Медвежонок прислонил Ёжика спиной к стене и подоткнул подушку.

- Мне холодно,— сказал Ёжик.
- Сейчас-сейчас.— Медвежонок взобрался на чердак и обложил Ёжика тулупом.— Как ты не замёрз? Ночи-то какие холодные! — приговаривал Медвежонок.

- Я прыгал,— сказал Ёжик.
- Семь дней?
- Я ночью прыгал.
- Что ж ты ел?
- Ничего,— сказал Ёжик.— Ты мне дашь бульону?
- Ах, да! Пей,— сказал Медвежонок.

Ёжик сделал несколько глотков и закрыл глаза.

- Пей-пей!
- Устал,— сказал Ёжик.
- Нет, пей! — И Медвежонок стал поить Ёжика с ложечки.

- Не могу больше.
- За меня!

Ёжик хлебнул.

- За Белочку!

Ёжик выпил.

- За Зайца! Он знаешь как помогал!

- погоди,— сказал Ёжик.— Передохну.

- Выпей за Зайца, он старался.

Ёжик глотнул.

- За Хомячка!

- А Хомячок что сделал?

- Ничего. Каждый день прибегал и спрашивал.



— Пусть подождёт. Сил нет,— сказал Ёжик.  
— Иногда и утром прибегал,— сказал Медвежонок.—  
Съешь ложечку.  
Ёжик проглотил.  
— А теперь — за Филина!  
— Филин-то при чём?  
— Как? Нет, за Филина ты выпьешь три  
ложки.  
— Да почему?  
— Да я на нём три ночи летал. Тебя искали.  
— На Филине?  
— Ну да!  
— Врёшь,— сказал Ёжик.  
— Чтоб мне с места не сойти!  
— Да как ты на него взобрался?  
— Он знаешь какой крепкий? Сел на шею и полетел.  
Ты бы видел, как Заяц нас испугался.  
— Как?  
— Вот выпей — скажу.  
Ёжик выпил подряд три ложки и снова закрыл  
глаза.  
— Как? — спросил он.  
— Что?  
— Как Заяц вас испугался?  
— А! Заяц? Представляешь? Я лечу. А тут — он.  
Давай ещё ложечку. Слышишь, как пахнет? Ух!  
Ёжик выпил.  
— Ну вот. Сидит, ушами вертит. Тут мы.  
— С Филином?  
— Ага. Он ка-ак подскочит, ка-ак побежит! Филин  
чуть на дерево не налетел. Давай за Филина.  
— Нет. Уже совсем не могу,— сказал Ёжик.—  
Давай я лягу.  
Медвежонок уложил Ёжика на прежнее место  
и укрыл тулупом.



- Ну как,— спросил Медвежонок,— тепло?
- Угу,— сказал Ёжик.— А про Филина придумал? Говори.
- Да что ты? Вот выздоровеешь, вместе полетаем.
- Полетаем,— еле слышно пробормотал Ёжик, засыпая.





*А уже  
зима*

Холодно, звонко стало в лесу. И так светло и далеко видно, что, если бы не гора, Ёжик из своего дома мог бы увидеть дом Медвежонок.

— Ау! — крикнул Ёжик, выйдя звонким холодным утром на крыльцо.

— Ау! — крикнул Медвежонок со своего крыльца. Они не видели друг друга, но, проснувшись, одновременно подумали: «И он там, за горой, наверное, проснулся и вышел на крыльцо».

Ёжик прислушался. Было тихо.

Медвежонок даже повернул ухо в сторону Ёжикиного дома.

— Всё-таки далеко, — пробормотал Медвежонок. И побежал к Ёжику.

— Я тебе кричал! — ещё издали крикнул Медвежонок.

— И я, — сказал Ёжик.

— И что?

— Не слышно. Гора мешает, — сказал Медвежонок. — Гора не пускает наши голоса.

— Давай сдвинем.

— Ха-ха-ха! — сказал Медвежонок. — Скажешь тоже!

— У кого будем завтракать? — спросил Ёжик.

— Давай у меня.

— А что у тебя на завтрак?

— Чай, мёд, для тебя — гриб.

— А какой гриб?

— Маслёнок, — сказал Медвежонок.











— Маринованный?  
— Что ты! Я его только вчера нашёл.  
— Так он же замёрз!  
— Ну и что? Чем плохо — крепкий замёрзший гриб?  
— Крепких замёрзших грибов я ещё зимой наемся.  
— Где же ты возьмёшь зимой свежезамёрзший гриб?  
— Много будешь знать, скоро состаришься.  
— Ну, скажи!  
— На горé,— сказал Ёжик.— Снегу мало. Они замерзают и уже до весны свежезамороженные.  
— И что ты с ними делаешь?  
— А ты не знаешь?  
— Нет.  
— Ем,— сказал Ёжик.  
Медвежонок расхохотался.  
— Ладно, идём ко мне,— сказал он.— Я дам тебе белый сушёный.  
— А ещё что?  
— Мёду.  
— А ещё?  
— Ну, варенья твоего любимого, малинового.  
— Пойдём,— сказал Ёжик.  
И они зашагали к дому Медвежонка, шурша подмёрзшей травой, хрумтя палыми листьями и тонким ледком на лужах.  
— Светло и просторно,— сказал Медвежонок.— Замечательно! Снегу нет, а уже зима.





## Снег пошёл

— Ну вот, — сказал Ёжик. — Вот и дождались.  
Снег пошёл.

Весь лес был в снегу, а снег всё падал и падал, и, казалось, никогда уже не будет ему конца. Было так красиво, что Ёжик с Медвежонок вертели головами во все стороны и не могли наглядеться.

Они стояли на опушке посреди сказочного леса, как два маленьких деревца, полузанесённых снегом.

«Я — ёлка, — подумал о себе Ёжик. —  
А Медвежонок — кто?»

Особенно были красивы в этом белом лесу полуоблетевшие огненные осинки и золотые клёны. Просто немыслимо было их видеть среди чёрных стволов деревьев.

— Так и будут гореть до весны, — сказал Ёжик.

— Облетят.

— Как же они облетят? Зима!

— Почернеют, — сказал Медвежонок.

Ёжику не хотелось спорить. Ему хотелось только смотреть, и смотреть, и, вытянув лапу, слышать, как на неё мягко садятся снежинки.

— Снежинка-снежинка, откуда ты прилетела? — спросил Ёжик у снежинки, которая легко опустилась ему на лапу.

— Откуда? — спросил Медвежонок.

Но снежинка растаяла.











— От них толку не добьёшься,— сказал Медвежонок.— Ясно откуда — с неба.

А снег всё падал и падал; вот он уже стеной отгородил от Ёжика с Медвежонком лес, а Ёжик с Медвежонком всё стояли в этом густом снегу, и никуда им не хотелось идти.

— Смотри не потеряйся,— сказал Медвежонок.— Ты меня видишь?

— Ага.

— Не «ага», а отвечай: вижу! Размечтаешься, ищи тебя потом.— И Медвежонок взял Ёжика за лапу.— Отвечай за тебя,— ворчал Медвежонок.— Никто не падает в волчьи ямы, один ты...

— Погоди,— сказал Ёжик.

Снег стал редеть, небо — чуть посветлело, и от этого красота сделалась такой невозможной, что Медвежонок сказал:

— Может, побегаем, а?

— Жалко топтать,— сказал Ёжик.

— Потопчем, а?

И они, хохоча и крича, наперегонки помчались по огромной поляне, оставляя маленькие следы.

А снег всё летел и летел. И когда Ёжик с Медвежонком, набегавшись, ушли в дом Медвежонка, на поляне совсем скоро не осталось ни одного следа.





*Как Ёжик  
с Медвежонок  
приснились  
Зайцу*

По первому снегу Заяц прибежал к Медвежонку.

— Медвежонок, ты лучший из всех, кого я знаю, — сказал Заяц.

— А Ёжик?

— Ёжик тоже хороший, но ты — лучше всех!

— Да что с тобой, Заяц? Ты сядь, успокойся.

Чего ты прыгаешь?

— Я сегодня проснулся и понял, — сказал Заяц, — что лучше тебя нет на свете.

Вошёл Ёжик.

— Здравствуй, Медвежонок! — сказал он. —

Здравствуй, Заяц! Вы чего сидите в доме — на улице снег!

— Я собрался идти к тебе, — сказал

Медвежонок. — А тут прибежал он и говорит, что я лучше всех.

— Верно, — сказал Ёжик. — А ты разве не знал?

— Правда, он самый лучший? — сказал Заяц.

— Ещё бы! — Ёжик улыбнулся Медвежонку и сел за стол. — Давайте чай пить!

Стали пить чай.

— Вот слушайте, что мне сегодня приснилось, — сказал Заяц. — Будто я остался совсем один в лесу.

Будто никого-никого нет — ни птиц, ни белок,

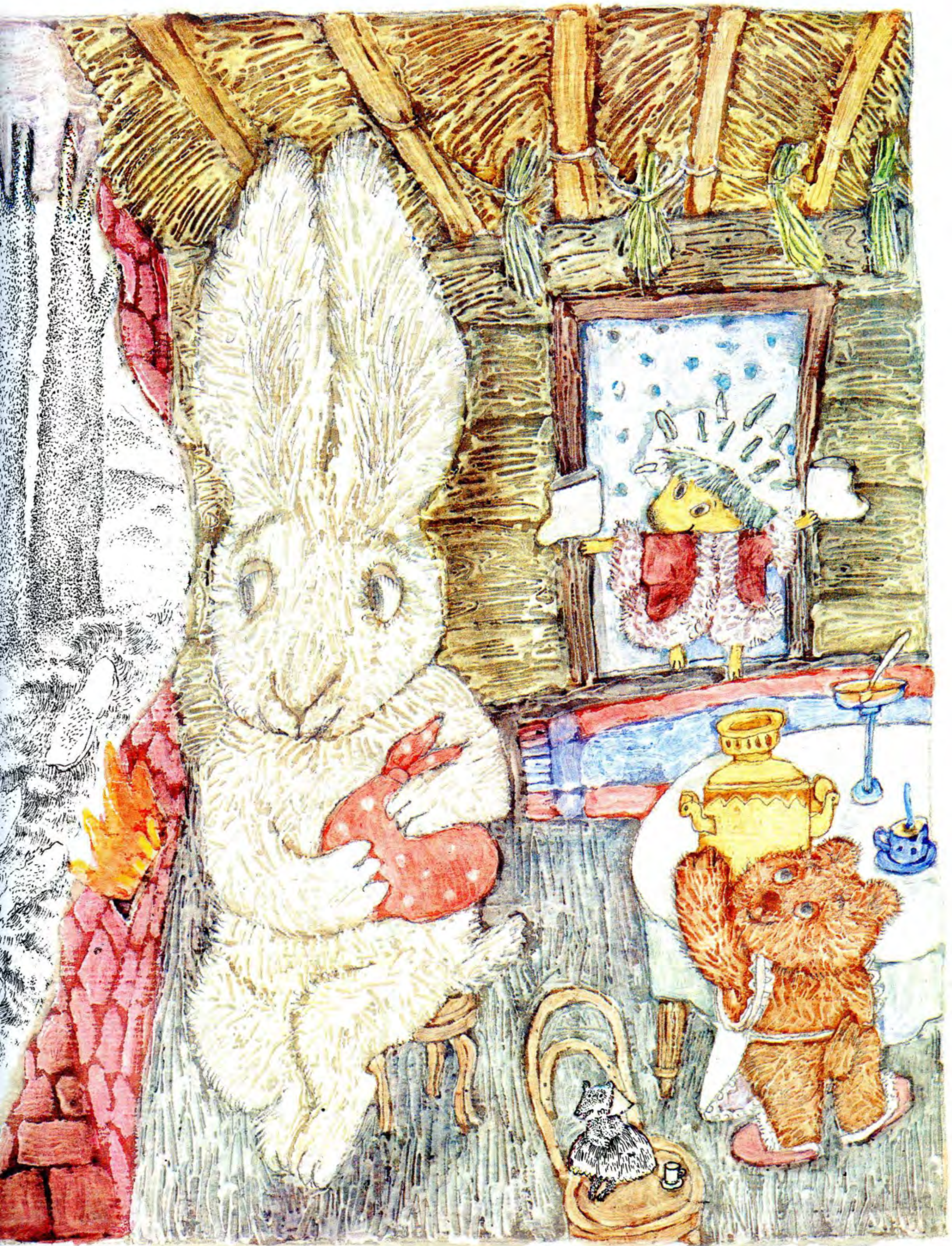
ни зайцев, — никого. «Что же я теперь буду делать?» — подумал я во сне. И пошёл по лесу.

А лес — весь в снегу и — никого-никого. Я туда,











я сюда, три раза весь лес обежал, ну, ни души, представляете?

— Страшно,— сказал Ёжик.

— Ага,— сказал Медвежонок.

— И даже следов нет,— сказал Заяц.—

А на небе — вата.

— Как — вата? — спросил Ёжик.

— А так — ватное, толстое небо. И глухо.

Будто под одеялом.

— Откуда ты знаешь, что глухо? — спросил Медвежонок.

— А я кричал. Крикну и прислушаюсь... Глухо.

— Ну! Ну! — сказал Ёжик.

— И тут... И тут...

— Что?

— И тут... Представляете? Из-под старого пня, что на опушке...

— За холмом?

— Нет, у реки. Из-под старого пня, что на опушке у реки, вылез...

— Ну же! — сказал Медвежонок.

— Ты,— сказал Заяц.— Медвежонок!

— Что ж я там делал, под пнём?

— Ты лучше спроси, что ты сделал, когда вылез?

— А что я сделал?

— Ты вылез и так тихонько-тихонько сказал:

«Не горюй, Заяц, все мы — одни». Подошёл ко мне, обнял и ткнулся лбом в мой лоб... И так мне сделалось хорошо, что я — заплакал.

— А я? — спросил Медвежонок.

— И ты,— сказал Заяц.— Стоим и плачем.

— А я? — спросил Ёжик.

— А тебя не было,— сказал Заяц.— Больше никого не было. Представляешь? — Заяц обернулся



к Медвежонку.— Пустой лес, ватное небо, ни-ко-го, а мы стоим и плачем.

— Так не бывает,— сказал Ёжик.— Я обязательно должен был появиться.

— Так это же во сне,— сказал Медвежонок.

— Всё равно. Просто вы плакали и не заметили, как я вышел из-за куста. Вышел, стою, вижу — вы плачете; ну, думаю, плачут, есть, значит, причина, и не стал мешать.

— Не было тебя,— сказал Заяц.

— Нет, был.

— Не было!

— А я говорю — был! — сказал Ёжик.— Просто я не хотел мешать вам плакать.

— Конечно, был,— сказал Медвежонок.— Я его видел краем глаза.

— А что же мне не сказал? — сказал Заяц.

— А видел, ты потерянный. Сперва, думаю, успокою, а уж потом скажу. И потом — чего говорить-то? Ёжик, он ведь всегда со мной.

— А по-моему, мы всё-таки были одни,— сказал Заяц.

— Тебе показалось,— сказал Ёжик.

— Примерещилось,— сказал Медвежонок.

— А если так, что у меня с собой было?

— А у тебя с собой что-нибудь было?

— Ага.

— Мешочек,— сказал Ёжик.

— С морковкой,— сказал Медвежонок.

— Правильно! — сказал Заяц.— Вы знаете, кто вы для меня? Вы для меня самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле!



## Ворон

Посыпал мелкий снежок, потом прекратился, лишь ветер слабо раскачивал верхушки деревьев.

Трава, неопавшие листья, ветви — всё поблёкло, посветлело от холода.

Но лес стоял ещё большой, красивый, только пустой и печальный.

Ворон сидел на суку и думал свою старинную думу.

«Опять зима, — думал Ворон. — Опять снегом всё заметёт, завьюжит; ёлки заиндевеют; ветки берёз станут хрупкими от мороза. Вспыхнет солнце, но ненадолго, неярко, и в ранних зимних сумерках будем летать только мы, вóроны.

Летать и каркать».

Надвинулись сумерки.

«Полетаю», — подумал Ворон. И неожиданно легко соскользнул с насиженного места.

Он летел почти не двигая крыльями, чуть заметным движением плеча выбирая дорогу между деревьев.

«Никого, — вздыхал Ворон. — Куда они все попрятались?»

И действительно, лес был пуст и сир.

— Сер-р-р! — вслух сказал Ворон.

Он опустился на старый пенёк посреди поляны и медленно повернул голову с синими глазами.

— Ворона, — сказал Ёжику Медвежонок.



— Где?

— Вон на пне.

Они сидели под большой ёлкой и глядели, как лес заливают серые сумерки.

— Пойдём с ней поразговариваем,— сказал Ёжик.

— А что ты ей скажешь?

— А ничего. Позову чай пить. Скажу: «Скоро стемнеет. Пойдёмте, Ворона, чай пить».

— Идём,— сказал Медвежонок.

Они вылезли из-под ёлки и подошли к Ворону.

— Скоро стемнеет,— сказал Ёжик.—

Ворона, идёмте чай пить.

— Я Вор-р-рон,— медленно, хрипло сказал Ворон.— Я чая не пью.

— А у нас — малиновое варенье,— сказал Медвежонок.

— И грибки!

Ворон смотрел на Ёжика с Медвежонком старинными, каменными глазами и думал: «Э-хэ-хэх!...»

— Я чая не пью,— сказал он.

— Мёдом угощу,— сказал Медвежонок.

— А у нас и брусника, и клюковка,— сказал Ёжик.

Ворон ничего не сказал.

Он тяжело взмахнул крыльями и поплыл над поляной.

В густых сумерках с распростёртыми крыльями он казался таким огромным, что Ёжик с Медвежонком даже присели.

— Вот это птица! — сказал Медвежонок.—

Будет она с тобой чай пить!

— Это он, Ворон,— сказал Ёжик.

— Всё равно птица. «Позовём, позовём!» — передразнил он Ёжика.— Позвали.











— Ну и что? — сказал Ёжик. — Он привыкнет.  
Представляешь, всё один и один. А в следующий  
раз — обязательно согласится...

Уже почти в темноте Ворон летел над полем,  
видел какие-то далёкие огоньки и почти ни о чём  
не думал, только широко и сильно подымал  
и опускал крылья.





Высыпал снег. Поднялось солнце. Лес сиял.  
А потом вдруг хлынул такой дождь, что смыл весь снег, и будто не было ни мороза, ни солнца, ни зимы. Потом на лес, на гору налетел ветер. Он раскачивал высокие сосны, будто это были не сосны, качающиеся меж облаками, а тонкие прутики. Такого ветра Ёжик с Медвежонок не помнили. На светлом небе дымом летели облака, а ветер всё дул и дул, и за полчаса высушил весь лес. Ёжик с Медвежонок сидели по своим домам. Заяц забился в зимнюю нору под летним домом. Белка спряталась в самый дальний угол дупла. А Хомячок завалил дверь сундуком, табуреткой, шкафом, потому что дверь скрипела, качалась и вот-вот, как ему казалось, слетит с петель и улетит незнамо куда. Лес стонал, охал, вздрагивал; тонкие осинки звенели; еловые крепкие шишки стучали по земле; а ветер всё дул, не стихая, и к вечеру выдул в лесу длинную узкую тёмную дыру и дудел в неё, как в трубу, на широкой басовой ноте. У! У! У! — выл лес. Потихоньку все привыкли к этому вою, и каждый у себя дома стал подбирать мелодию.  
— У-у! — пел Медвежонок.  
— У-у-у! — за горой, в своём доме, тянул Ёжик.  
— У-у, у-у! — пищал Хомячок.











— Уй, уй! — верещал Заяц.

А Белка взяла деревянные ложки и деревянными ложками стала бить в таз.

— Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! — бубнила Белка.

Проспав день, к ночи проснулся Филин.

«Что за Филин прилетел в лес? — проворчал он. — Вон как ухает!»

Но только высунул клюв, как ветер затолкал его обратно.

— Ух! Ух! Я — Филин! Я — тоже Филин! — заухал в щёлочку Филин.

Но ветер не выпустил его из дома.

А тучи летели, сосны гудели, шишки падали.

Скоро стемнело совсем.

И тонкому молодому месяцу, скользящему меж облаками, лес, наверное, казался огромным седым волком, лежащим под горою и воющим на луну.





*Если меня  
совсем  
нет*

Ещё совсем немного — и загорятся звёзды,  
и выплывет месяц и поплывёт, покачиваясь, над  
тихими осенними полями. Потом месяц заглянет  
в лес, постоит немного, зацепившись за верхушку  
самой высокой ёлки, и тут его увидят Ёжик  
с Медвежонок.

— Гляди, — скажет Ёжик.

— Угу, — скажет Медвежонок.

А месяц подыметсЯ ещё выше и зальёт своим  
холодным, тусклым светом всю землю.

Так было каждый вечер в эту ясную холодную  
осень. И каждый вечер Ёжик с Медвежонок  
собирались то у Ёжика, то у Медвежонка и о чём-  
нибудь говорили.

Вот и сегодня Ёжик сказал Медвежонку:

— Как всё-таки хорошо, что мы друг у друга  
есть!

Медвежонок кивнул.

— Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь  
один и поговорить не с кем.

— А ты где?

— А меня нет.

— Так не бывает, — сказал Медвежонок.

— Я тоже так думаю, — сказал Ёжик. —

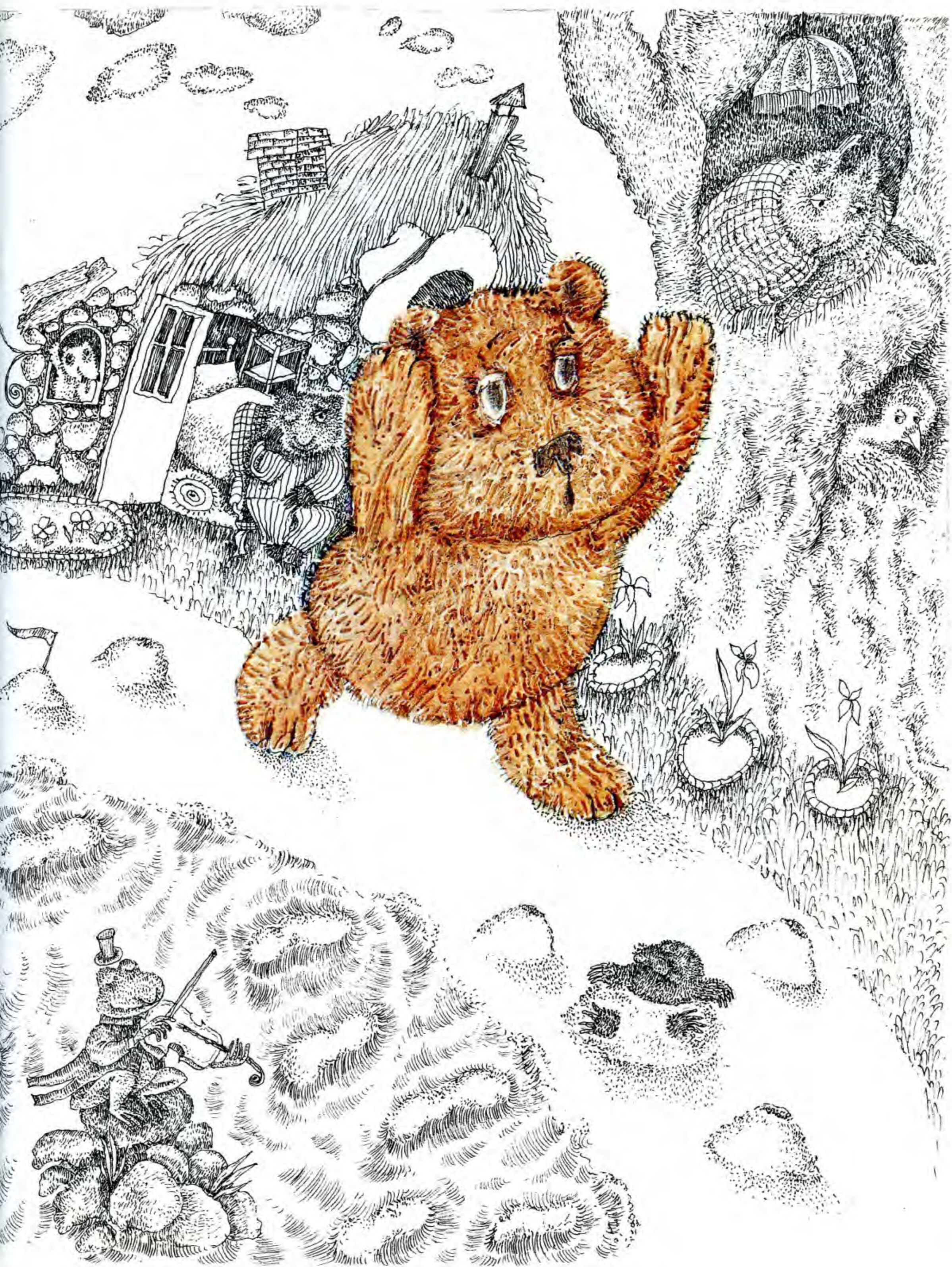
Но вдруг вот — меня совсем нет. Ты один. Ну что  
ты будешь делать?

— Пойду к тебе.











— Куда?

— Как — куда? Домой. Приду и скажу: «Ну что ж ты не пришёл, Ёжик?» А ты скажешь...

— Вот глупый! Что же я скажу, если меня нет?

— Если нет дома, значит, ты пошёл ко мне. Прибегу домой. А-а, ты здесь! И начну...

— Что?

— Ругать!

— За что?

— Как за что? За то, что не сделал, как договорились.

— А как договорились?

— Откуда я знаю? Но ты должен быть или у меня, или у себя дома.

— Но меня же совсем нет. Понимаешь?

— Так вот же ты сидишь!

— Это я сейчас сижу, а если меня не будет совсем, где я буду?

— Или у меня, или у себя.

— Это, если я есть.

— Ну, да,— сказал Медвежонок.

— А если меня совсем нет?

— Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.

— И на реке нет.

— Тогда ты пошёл куда-нибудь и ещё не вернулся. Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду.

— Ты всё уже обшарил,— сказал Ёжик.— И не нашёл.

— Побегу в соседний лес!

— И там нет.

— Переверну всё вверх дном, и ты отыщешься!

— Нет меня. Нигде нет.

— Тогда, тогда... Тогда я выбегу в поле,— сказал Медвежонок.— И закричу: «Ё-е-е-жи-и-и-к!», и ты услышишь и закричишь: «Медвежоно-о-о-к!...» Вот.



— Нет,— сказал Ёжик.— Меня ни капельки нет.  
Понимаешь?

— Что ты ко мне пристал? — рассердился  
Медвежонок.— Если тебя нет, то и меня нет. Понял?

— Нет, ты — есть; а вот меня — нет.

Медвежонок замолчал и нахмурился.

— Ну, Медвежонок!..

Медвежонок не ответил.

Он глядел, как месяц, поднявшись высоко над  
лесом, льёт на них с Ёжиком свой холодный свет.





*Тёплым  
тихим  
утром  
посреди зимы*

«Бывает же — топишь печку, глядишь на огонь и думаешь: вот она какая, большая зима! И вдруг просыпаешься ночью от непонятного шума. Ветер, думаешь, бушует вьюга, но нет, звук не такой, а далёкий какой-то, очень знакомый звук. Что же это? И засыпаешь снова. А утром выбегаешь на крыльцо — лес в тумане и ни островка снега не видно нигде. Куда же она подевалась, зима? Тогда сбегает с крыльца и видишь... лужу. Настоящую лужу посреди зимы. И от всех деревьев идёт пар. Что же это? А это ночью прошёл дождь. Большой, сильный дождь. И смыл снег. И прогнал мороз. И в лесу стало тепло, как бывает только ранней осенью».

Вот как думал Медвежонок тихим тёплым утром посреди зимы.

«Что же теперь делать? — думал Медвежонок. — Топить печку или нет? Щипать на растопку лучинки или не надо? И вообще как это так — опять лето?» И Медвежонок побежал к Ёжику посоветоваться. Ёжик ходил вокруг своего дома в глубокой задумчивости.

— Не понимаю, — бормотал Ёжик, — как это так — ливень посреди зимы?

И тут прибежал Медвежонок.

— Ну что? — ещё издали крикнул он.

— Что-что? Печку затопил? — спросил Ёжик.

— Нет, — сказал Медвежонок.



- Лучинок нащипал?
- Не-а,— сказал Медвежонок.
- А что же ты делал?
- Думал,— сказал Медвежонок.
- Я тоже.

И они стали ходить вокруг Ёжикиного дома и думать вместе.

— Как ты думаешь,— сказал Ёжик.— Если прошёл дождь и теперь туман, может ещё быть мороз?

— Не думаю,— сказал Медвежонок.

— Значит, если мороз быть не может, значит, может быть только тепло.

— Значит,— сказал Медвежонок.

— А чтобы было тепло — должно появиться солнце.

— Должно,— сказал Медвежонок.

— А когда солнышко, хорошо быть на реке.

— Я бы в жизни не догадался,— сказал Медвежонок.

— Тогда давай возьмём и позавтракаем у реки,— предложил Ёжик.

— Угу,— сказал Медвежонок.

И они сложили в корзину грибы, мёд, чайник, чашки и пошли к реке.

— Куда вы это идёте? — спросила Белка.

— К реке,— сказал Ёжик.— Завтракать.

— Возьмите меня с собой!

— Айда!

И Белка взяла орешков и чашку и поспешила следом. Встретился им Заяц.

— Тепло, хорошо,— сказал Заяц.— Вы куда идёте?

— К реке,— сказала Белка.— Завтракать.

— И я с вами, ага?

— Идём,— сказал Медвежонок.

Выбежал из травы Хомячок.

— А я уж заснул,— сказал он.— А тут — вода!

Куда это вы?











— Завтракать, к реке,— сказал Заяц.—  
Идём с нами!

— У меня еда с собой,— сказал Хомячок и постучал лапой по раздувшемуся мешку за щекой,— только чашки нету,— и пошёл следом.

Пришли к реке, развели костёр, сели завтракать.  
Выглянуло солнце.

Солнце осветило реку, и тот берег, и завтракающих друзей.

Туман растаял.

— Если б не дождь,— щурясь, сказал Хомячок,— так бы и не увиделись до весны.

— Если б не дождь,— сказала Белка,— уж так бы не попрощались.

— Если б не Ёжик,— сказал Медвежонок,— никто бы не догадался в такую теплынь позавтракать на реке.

А Ёжик, прикрыв глаза, пил чай, слушал тишину, птицу, вдруг тонко и чисто запевшую за рекой, и думал, что, если б не все они, зачем бы понадобилось тепло этому зимнему лесу?





## Содержание

*Ёжик в тумане 6*

### *ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ*

*Звуки и голоса 11*

*Когда ты прячешь солнце, мне грустно 13*

*Разрешите с вами посумерничать 17*

*Как оттенить тишину 22*

*В сумерках 27*

*В родном лесу 32*

*Сосновая Шишка 37*

*Осенняя песня травы 41*

*Радуга 46*

*Ёжикина гора 51*

*Птица 55*

*Красота 60*

### *ТЕПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ*

*Последнее солнце 67*

*Вольный осенний ветер 69*

*Мы будем приходить и дышать 73*

*Лисичка 77*

*Не смотри на меня так, Ёжик 81*

*А уже зима 87*

*Снег пошёл 91*

*Как Ёжик с Медвежонком приснились Зайцу 95*

*Ворон 100*

*Волк 105*

*Если меня совсем нет 109*

*Тёплым тихим утром посреди зимы 114*



*Литературно-  
художественное  
издание*

ДЛЯ  
ДОШКОЛЬНОГО  
ВОЗРАСТА

*Козлов  
Сергей  
Григорьевич*

## **ЁЖИК В ТУМАНЕ**

С к а з к и

Ответственный редактор  
*Н. М. Мартынова*

Художественный редактор  
*О. К. Кондакова*

Технический редактор  
*В. К. Егорова*

Корректор  
*Л. А. Лазарева*

ИБ № 11086

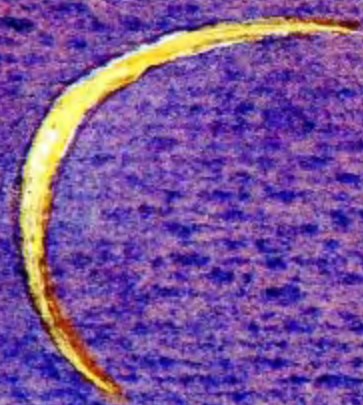
Сдано в набор 19.01.89.  
Подписано к печати 09.08.89.  
Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Бум. офсетная № 1.  
Шрифт обыкновенный.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0.  
Усл. кр.-отт. 63,0. Уч.-изд. л. 11,34.  
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1595.  
Цена 2 р. 70 к.  
Орден Трудового Красного Знамени  
и Дружбы народов  
издательство «Детская литература»  
Государственного комитета РСФСР  
по делам издательств, полиграфии  
и книжной торговли.  
103720, Москва, Центр,  
М. Черкасский пер., 1.  
Ордена Трудового Красного Знамени  
ПО «Детская книга»  
Госкомиздата РСФСР.  
127018, Москва, Сущевский  
вал, 49.



















Издательство  
«Детская литература»